

18+

МИХАИЛ АНДРЕЕВ-АМУРСКИЙ

Земные страсти великих россиянок

ИСТОРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Михаил Андреев-Амурский

**Земные страсти
великих россиянок.
Исторические миниатюры**

«Издательские решения»

Андреев-Амурский М.

Земные страсти великих россиянок. Исторические миниатюры /
М. Андреев-Амурский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-646226-7

Моя новая книга посвящена выдающимся трём женщинам-россиянкам, оставившим яркий след в истории нашего Отечества. Эти исторические миниатюры ещё одна попытка разгадать тайны их великого жизненного подвига. Проявив стойкость, мужество, смелость в трудные, а порою и опасные времена в жизни, они отстаивали право быть первыми в сложные времена своей судьбы, сохранив честь и достоинство, с которыми жили и боролись. Новеллы о Е. Дашковой и Софье Палеолог были ранее опубликованы в моей книге «Дом под луной».

ISBN 978-5-00-646226-7

© Андреев-Амурский М.
© Издательские решения

Содержание

Земные страсти Екатерины Дашковой	6
Рождение звезды	6
Время борьбы	9
На пути к наукам	12
Боль семейных тайн Екатерины Дашковой	15
Византийская любовь Руси	19
Посольство на Русь	19
Путь в Московию	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Земные страсти великих россиян Исторические миниатюры Михаил Андреев-Амурский

© Михаил Андреев-Амурский, 2024

ISBN 978-5-0064-6226-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Земные страсти Екатерины Дашковой

Рождение звезды

Восемнадцатый век ещё не закончился, а просвещённая Европа с удивлением взидала на эту русскую женщину, о которой усилиями учёных и деятелей постаралась возвестить как о «самом выдающемся учёном муже, президенте двух российских Академий». Лёгкой тенью мелькнула в жизни Екатерины Дашковой небесная благодать женского счастья, о котором она так долго мечтала, но в сложных переплетениях жизни вдруг ускользнула от неё эта красивая, похожая на сон сказка, оставив боль глухого одиночества и неразделённой печали, несостоявшегося семейного счастья и нелёгкой женской доли.

В вихре событий екатерининской эпохи имя этой женщины вспыхнуло с необычайной силой. Не потому, что она была вовлечена чуть ли не во все заговоры и придворные интриги. И совсем не потому, что она с юности вошла в круг избранных людей императрицы Екатерины II. Она окружила своё имя славой единственной, по-настоящему просвещённой, женщины, на протяжении 11 лет стоявшей у начала двух важнейших явлений российской науки – Академии и просветительства. Наука стала для неё духовной опорой, и всё же Екатерина Дашкова хотела признания в ином – в практическом влиянии на государственные дела. Но, по мнению своей царственной подруги, данных для этого она не имела и потому должна была довольствоваться вторыми ролями.

Отказ царственной подруги признать её равновеликой глубоко разочаровывал Екатерину Дашкову. За таким поведением императрицы скрывалась обыкновенная женская ревность к чужим успехам, потому что любым государственным делом Дашкова могла бы заниматься не хуже мужчин. Такое положение княгиню совсем не устраивало и глубоко ранило её душу, заставляя искать выход в иных начинаниях, которые со временем становились великими.

Эта женщина через свою жизнь пронесла три великие земные страсти: чувство семьи, остросюжетные отношения с государыней и увлечение познанием и науками. И, как ни странно, первой страстью в жизни Дашковой стала дружба с Екатериной II, тогда ещё просто великой княгиней.

Дворянский род Воронцовых был известен ещё до Ивана Грозного. Но в ходе сложных событий на протяжении более 200 лет он постепенно измельчился и обветшал. От полного забвения его спасла эпоха переворотов, когда семейство Воронцовых активно поддержало восшествие на престол Елизаветы Петровны, вполне реально ощутив на себе пролившийся золотой дождь пожалований благодарной императрицы. Если её дед, Илларион Воронцов владел всего лишь двумя сотнями крестьянских душ, то его сыновья в полной мере ощутили цену знатности и богатства. Михаил Илларионович стал канцлером, его брат Роман – генерал-аншефом.

В этой генеральской семье и родилась 17 марта 1743 дочь, которая в будущем прославит не только Россию, но и свою фамилию. Позже, с долей женского кокетства, Екатерина поправит время рождения, уменьшив его на целый год. Возведённая гвардейцами на престол дочь Петра I, Елизавета с удовольствием стала её крёстной матерью, пригласив в крёстные и своего племянника Петра III.

Будущее новой крестницы казалось безоблачным, однако судьба распорядилась Екатериной по своему капризу: в двухлетнем возрасте она лишилась матери и отцовской заботы. Роман Илларионович, увлечённый сколачиванием состояния (за что и получил в петербургском свете обидное прозвище «Роман – большой карман») не стал утруждать себя воспитанием дочери и, легко вздохнув, передал её на попечение младшему брату – Михаилу Илларионовичу, канц-

леру империи. Так девочка и выросла в его семье, предоставленная своим интересам и гувернанткам, учившим её по нравам того времени рукоделию, танцам, рисованию и музыке.

Но в 14 лет Екатерина заболела корью, от которой всё же излечилась благодаря ссылке в деревню вместе со своей кузиной Анной. Здесь, вдали от городской суеты, девочка в совершенстве овладела верховой ездой, фехтованием, четырьмя европейскими языками.

«Барышни, – тем временем вдумчиво рассуждал Михаил Илларионович, – больше будут пребывать в благодати, если пред собою смогут лицезреть природное великолепие». Но, как оказалось, дядя более всего заботился не о душе племянницы, а о том, как бы не заразиться самому.

Тем не менее время, проведённое на природе, не столько излечило телесно Екатерину, сколько помогло ей совершить настоящий духовный переворот. Уединение вдали от Петербурга, самообразование, размышления над собой с близкими ей людьми сильно изменили ее насмешливый, весёлый и живой ум. Уже в 15 лет у неё, одной из первых в России, сложилась личная библиотека из 900 томов произведений в основном французских философов и естествоиспытателей, труды которых она читала с настоящим упоением. Среди её книг не было места приторно-сентиментальным романам, зато живую натуру княжны манили Бейль, Гельвеций, Вольтер, Дидро, Буало, идеи Руссо и Монтескье. Она с ранних лет стала пристально интересоваться историческими деятелями, их политикой и общественным строем разных государств.

Дворцовые интриги и государственные перевороты, в таинственной атмосфере которых она росла, способствовали развитию честолюбия, желания играть в обществе свою собственную важную историческую роль. Идеи, впитанные из трудов просветителей, сделали ненужными украшения, румяна и прочие дамские штучки для балов, да и сами дворцовые увеселения юная особа игнорировала, находя их безумно скучными, а танцы просто беспардонными.

И всё же ей быстрее хотелось испытать настоящие взрослые чувства. Случайная встреча ускорила переживания, обуревавшие юную душу. «Вечером я возвращалась из гостей, и погода настолько была хороша, что захотелось пройти пешком в сопровождении сестры Самариной. Но едва мы отошли несколько шагов от аллеи, как перед нами очутилась высокая фигура мужчины. Под влиянием лунного света рослый молодой человек поразил моё воображение, и я спросила сестру, кто же он. В ответ услышала „князь Михаил Дашков, дальний родственник Петра I“. И тут я почувствовала, что мы предназначены друг другу», – писала позже в своих «Записках» Екатерина Романовна. Отчаянно влюбившись без памяти в красавца поручика, князя Михаила Ивановича Дашкова, Екатерина смогла «взять его в плен».

Теперь великосветские завсегдатаи салонов Петербурга на всех вечерах только и обсуждали одну и ту же новость: будто бы на балу, когда Дашков неосторожно рассыпался в комплиментах перед молоденькой княгиней, девица Воронцова не растерялась, позвала дядюшку-канцлера и сказала: «Дядюшка, князь Дашков делает мне честь, просит моей руки». Красавцу, молодому князю, поручику Преображенского полка и сердцееду отступить было некуда. В мае 1759 года состоялась их свадьба. Молодой жене частенько приходилось закрывать глаза на светские похождения мужа, однако свое супружество она считала счастливым. Именно это чувство семьи, любви заставило Дашкову понять, что есть вещи более приятные, чем просиживание над книгами и изобретение своей известной роли в мире.

Размышления об альпийском затворнике Вольтере и скептике Монтене отошли на задний план, когда перед нею встали в полный рост заботы о дорогом муже и появившихся детях. В феврале 1759 года родилась дочь Анастасия, еще через год – сын Михаил, проживший, однако, совсем недолго, и затем второй сын Павел. Екатерина Романовна глубоко и нежно любила своего мужа, но счастье её длилось совсем недолго, и в 21 год она осталась вдовой с двумя детьми на руках.

Впервые Дашкова познакомилась с будущей императрицей в 1758 году на одном из балов. Прекрасным поводом для знакомства оказался веер, случайно обронённый великой княгиней. Подавая поднятую вещь, пятнадцатилетняя княгиня встретила взглядом с принцессой и поняла, что перед ней та, которая её поймёт и поддержит, похвалит и промолчит, когда это нужно. В искромётном молчаливом взгляде родилась дружба двух великих женщин. Правда, она оказалось не очень прочной, но яркость её была необычайной. Будущей императрице княгиню отрекомендовали как «юную особу, которая почти всё время проводит за учением». Так дамы стали подругами.

Женщины прекрасно осознавали свою исключительность: они образованны, аристократичны, энергичны. Позже Дашкова напишет Екатерине II полторы сотни писем, из которых расчётливая правительница сохранит лишь 46, простых и безобидных. Остальные сожжёт как нежелательные улики...

Для Дашковой стало ясно, что с возвращением в Петербург жизнь ради домашнего очага для неё закончилась, зато она получила возможность не только окунуться в атмосферу дружбы с молодой императрицей, умом которой она восхищалась, но и чисто по-женски пожалеть подругу за душевные страдания от жизни с нелюбимым человеком – глупцом и деспотом.

Принцесса часто со слезами признавалась Дашковой, доверяя ей самое-самое сокровенное в жизни. И даже то, что старшая сестра княгини, Елизавета Воронцова, была любовницей Петра III, не мешало чрезвычайной близости двух блистательных Екатерины – Великой и Малой, как порой звали Дашкову. Именно в это время в голове Екатерины Великой и зародился план использовать свою подругу для предстоящего свержения ненавистного мужа. Она не собиралась посвящать Дашкову во все тонкости своего плана, как и того, что ей будут помогать гвардейские офицеры, в частности Григорий Орлов, к которому обе женщины тайно питали яркие и глубокие чувства.

Время борьбы

Декабрь 1761 года стал роковым для империи. Елизавета Петровна медленно и верно угасала от болезней, Пётр III радостно готовился принять трон, совершенно не понимая, что он устраивает во власти далеко не всех. Неумный, горячий и несдержанный, пьяница и ловелас, открыто изменявший своей жене, возбуждал у многих в армии и при дворе неприязнь, перераставшую в ненависть. К тому же гвардия его ненавидела за нелюбовь к православию и насаждение прусских порядков в армии. Для Екатерины Алексеевны наступило подходящее время захвата власти: общество и, главное, дворяне, были недовольны Петром III. И она умело склонила Дашкову к помощи.

– Катрин, – убеждала принцесса, – никто на тебя не подумает, поговори с людьми, тебя любят слушать, поймут. Что им даст этот пивной прощелыга? Скорее, отберёт последнее – вольности дворянские, от Петра Великого обретенные, – вздохнув, продолжала она. Великая княгиня приблизила своё ухоженное лицо к глазам Дашковой. Взмолвленная собеседница увидела в них последнюю надежду на свободу от мужа – тирана.

Дашкова часто и откровенно беседовала со многими влиятельными представителями аристократии, убеждая их в необходимости свержения Петра III. С доводами пылкой 19-летней бунтарки согласились Разумовский, Панин, Репнин, Волконский и ряд других родовитых представителей дворян. В своих «Записках» Дашкова решила взять на себя все нити заговора.

Однако большинство исторических данных свидетельствует, что её роль была более выразительна и эффектна, чем значима. Щадя её 19-летнее самолюбие, заговорщики всеми силами старались не посвящать княгиню в свои настоящие и полные замыслы. Но гордая, тщеславная, осознающая свое умственное превосходство Дашкова, действовала практически всегда самостоятельно, склоняя на сторону Екатерины цвет высшего общества. Она пошла даже на ссору с семьей Воронцовых, стоявших на стороне Петра III.

И вот наступил час её торжества. Ярким погожим утром 28 июня 1762 года куранты Петропавловского собора пробили 10 часов. Петербург взволнованно встречал новую монархиню. Гвардейские мундиры, перемешанные с разноцветьем публики, нарядной лентой струились по улицам до Казанского собора. Там в торжественной обстановке намечалось провозгласить Екатерину императрицей.

А всего сутки назад до этого тщательно продуманный план захвата власти Екатериной едва не провалился. Из-за ареста капитана Пассека, одного из гвардейцев, знавшего многое об интригах свержения Петра III, все заговорщики в панике поднялись на ноги, испугавшись, что арестованный под пыткой выдаст все планы. Заговорщики послали Алексея Орлова в Петергоф за Екатериной.

– Поезжай, братец, немедля, – Григорий Орлов, самый старший из братьев-заговорщиков, огромной ладонью нервно мял шляпу, – иначе беда. Пассек слаб, не ровён час сболтнёт лишнее, и тогда всё. Самое лёгкое – болтаться нам на рее. Скачи скоро, – продолжал он, – государыня в Петергофе, ждёт сам знаешь чего. Не приедешь вовремя, знать, ничего уже и не будет. Понял? Скачи!

Прискакав ранним утром 28 июня в Петергоф, Алексей Орлов вбежал к ней в спальню, сообщил об аресте Пассека и панике среди гвардейцев. Быстро собравшись, одетая в преображенский мундир. Екатерина села в карету Орлова. Поняв дорогой, что времени терять нельзя, она приказала доставить её в Измайловский лейб-гвардии полк. Солдаты, завидев Екатерину, быстро построились в каре на площади и под барабанный бой присягнули ей. Затем она двинулась в Семеновский гвардейский полк, который также присягнул императрице. Сопровождаемая толпой народа, во главе двух полков, Екатерина отправилась в Казанский собор. Здесь, на молебне, она была провозглашена императрицей. Затем она в карете прибыла в Зимний

дворец и застала там собравшимися Сенат и Синод, которые, быстро поняв ситуацию, также присягнули ей.

И всё это время рядом с нею была преданная подруга – юная Екатерина Дашкова. «Ненавистный пруссак! Ты оскорбил и предал жену, Россию. И теперь ты, наконец-то, свергнут! На троне снова женщина! – только и думала она. – Наконец-то свершились наши замыслы и чаяния». В эти часы Екатерина Романовна не отходила от своей «доброй подруги». Они стали лучшими мгновениями в её жизни.

В гвардейском мундире, наравне с императрицей, в лихо надвинутой треуголке, похожая на пятнадцатилетнего юношу – такой была Дашкова в самый незабываемый день её жизни, 28 июня 1762 года. Свершилось то, о чём вдвоём мечтали подруги, шептались, беспрестанно оглядываясь на двери, в зловещей тишине царских покоев. Теперь они верхом на конях, безвольный и ненавистный Пётр III лишён престола, а за ними – многотысячное войско, готовое за них в огонь и в воду. Некоторые офицеры удивлялись тому, как Дашкова в этот день несколько раз выхватывала шпагу. Тогда она отчаянно рисковала – собой, подругой-императрицей, обожаемым мужем и детьми. И всё для того, чтобы подарить России сильную и разумную власть.

В невероятной череде событий, возбуждённая восторгом свершившегося, радостными криками толпы, Дашкова не сразу обратила внимание, как императрица понемногу стала отдаляться от неё. Теперь венценосной особе, когда-то бывшей подругой Дашковой, стало почему-то неудобно иметь рядом с собою умную и решительную женщину, претендовавшую не то чтобы на усиленное, но на особое внимание. Екатерина Дашкова поняла, что ошиблась в своих надеждах стать такой же великой женщиной.

Её догадка о властолюбии Екатерины II нанесла ощутимый удар по дружеским чувствам и ожиданиям благодарности – императрица совсем не желала делить славу и власть с кем бы то ни было. Царица отблагодарила так или иначе всех, кто помог ей прийти к власти: деньгами, наградами, должностями, своим расположением на определённых условиях. Тем более ей поскорее хотелось забыть женские беседы с умной подругой, возможной конкуренткой по стяжанию славы.

Мечты княгини стать сподвижницей и наперсницей императрицы, получить чин полковника гвардии и место в заседании высшего государственного совета не сбылись. Хотя бы потому, что по статусу полковником Преображенского полка могла быть только монархиня – Екатерина II, а что касалось других постов, императрица к ним просто не могла допустить более умных, чем она.

Другое разочарование в императрице было в том, что Дашковой стали известны её любовные отношения с Григорием Орловым. Фальшь в поведении Екатерины II, неискренность отношений сделали их дружбу лишней, а совместные мечты нереальными. Екатерина II отдалась от Дашковой с быстротой царской неблагодарности.

Как потом писал А. И. Герцен, «императрица Екатерина хотела царить не только властью, но всем на свете – гением, красотой; она хотела одна обращать на себя внимание, у нее было ненасытное желание нравиться. Она была в полном блеске своей красоты, но ей уже исполнилось тридцать лет. Женщину слабую, потерянную в лучах её славы, молящуюся ей, не очень красивую, не очень умную она, вероятно, умела бы удержать при себе. Но энергичную Дашкову, говорившую о своей славе, с её умом, её огнем и с её девятнадцатью годами, она просто не могла вынести возле себя».

Возвышенные мечты Дашковой и мечты о благе отечества императрица оценила всего в 24 тысячи рублей, наградив Звездой и Екатерининской лентой за особые заслуги. А спустя некоторое время императрица ненавязчиво пожелала отъезда Дашковой с мужем куда-нибудь подальше от себя. Ещё более сильным ударом для Дашковой стала цена императорской короны, обрётённой Екатериной II: Пётр III был задушен, Иоанн VI (бывший император) убит по тай-

ному приказу императрицы, пойманная самозванная дочь Елизаветы Петровны – княжна Тараканова умерла в крепости. Дашковой стало ясно, что Екатерина тщательно освобождала своё окружение от любых претендентов на престол.

Теперь императрица решила больше не прощать ни смелых высказываний княгини, ни желаний бывшей подруги участвовать в государственных делах. Только тяжёлая болезнь Дашковой после смерти своих любимых старшего сына и мужа спасла её от неминуемого ареста.

На пути к наукам

Княгиня возвратилась в имение под Москвой, где её ожидал ещё один тяжёлый удар – умерший муж почти разорил их состояние долгами, в короткий срок промотав огромные средства. Но не такова была Екатерина Малая, чтобы лить слёзы и ждать милости от судьбы. Другая на месте Дашковой пала бы духом, но Екатерина была не из таких. Она продала практически все свои драгоценности, справедливо рассуждая о их ненужности в данное время, а затем возвратилась с детьми в разорённое имение Троицкое, чтобы восстановить его.

Пять лет экономя на всём и проживая в крайней бедности, она доказывала эту возможность. «Если бы мне сказали до моего замужества, что я, воспитанная в роскоши и расточительности, сумею в течение нескольких лет... лишать себя всего и носить самую скромную одежду, я бы этому не поверила», – напишет потом Дашкова в своих «Записках».

Теперь, в 27 лет она выглядела на все сорок, и для неё, когда-то пылкой, увлекающейся, страстной, больше не существовало мужчин. Она стала методично изучать системы образования разных стран. Английскую систему, которую она тогда считала самой передовой в Европе, Дашкова подвергла самой суровой критике, и тем не менее, накопив достаточно денег для обучения детей, в 1769 году она поехала в Шотландию под фамилией Михалковой. В Данциге, остановившись в одной из гостиниц, она обнаружила два монументальных полотна, на которых раненные и умирающие русские солдаты просили пощады у победителей-пруссаков.

Возмущённая княгиня распорядилась купить краски и, заперев все двери после ужина, перекрасила мундиры на картинах, превращая победителей в побеждённых. Теперь уже пруссаки умоляли русских о пощаде. Наутро, оглядывая дело рук своих, Дашкова с удовлетворением смотрела на удивлённое лицо хозяина гостиницы, потрясённого сделанным. Небольшой бельгийский городок Спа стал местом знакомства с двумя семьями – Морган и Гамильтон, ставшими друзьями Дашковой до конца её жизни. Мэри приедет к ней в Россию и скрасит самые тяжёлые годы накануне ее смерти.

Лондон встретил её неласково. Но Дашкова всё таки нашла время навестить Оксфорд и встретиться с русскими студентами. Работая несколько дней в обширной библиотеке университета, она обратила внимание на русско-греческий словарь. Потом, на посту Президента Российской академии наук, она будет себя благодарить за то, что воплотила в реальность мысль о создании русской грамматики и словаря.

Составленные Дашковой программы для обучения детей были больше похожи на указания врачей, и шотландские профессора принялись исполнять пожелания любящей матери. Но, к сожалению, ни материнская забота, ни жертвенность Дашковой ради детей не помогли ей воспитать достойных наследников – танцы, музыка, рисование, театры, верховая езда, уроки фехтования, даже балы для молодёжи не принесли нужных результатов. Дети выросли на редкость никчёмными и бестолковыми. «Простак и пьяница», – скажет о Павле Дашкове его крёстная мать императрица. Ну а скандальные истории, в которые попадала горбатая Анастасия, поражающая аристократическое общество своей сумасбродностью, на все лады обсуждал весь великосветский Петербург.

В 1779 году учёба детей закончилась, однако возвращаться в Россию императрица ей пока не разрешала. Годы странствия продолжались. В Париже Дашкова познакомилась с великим философом Дидро, который помог молодой женщине наладить отношения с императрицей Екатериной II. Они часто беседовали на самые разные темы, причём Дашкова держалась стойко и с достоинством. Она ненавидела деспотизм и любые проявления тирании, ей больше по душе была конституционная монархия.

Однажды Дидро коснулся в их разговорах большого для Дашковой вопроса рабства русских крестьян. Княгиня ответила, что она в своих имениях устроила такое управление, кото-

рое ограждает крестьян от ограблений мелкими чиновниками. В её деревнях постоянно происходит рост благосостояния крепостных, и она будет сумасшедшей, чтобы своей жестокостью иссушать источник доходов

В 1781 году Дашкова познакомилась с выдающимся американским государственным деятелем Бенджамином Франклином. Их дружба позже переросла в прочное содружество двух выдающихся людей своих стран. Только в следующем, 1782 году Дашковой «милостиво» было разрешено вернуться, и она была принята императрицей. Благосклонность императрицы была понятна, ведь за границей княгиня приобрела славу одной из самых просвещённых женщин Европы. Её принимали просветитель Дидро и экономист Адам Смит, сам старик Вольтер, больной и дряхлый альпийский затворник, сделал исключение для «северной медведицы» (так Дашкову называли в чужих краях) и нашёл время побеседовать с ней. В «прекрасном далеке» Екатерина Романовна принялась сочинять музыку, в чём весьма преуспела.

Сложные полифонические произведения, исполняемые хором, которым дирижировала русская княгиня, повергали публику в восхищение. Именно поэтому царица и не могла пренебрегать мнением просвещённой Европы, да и бывшие обиды как-то временно подзабылись. Для обеих наступило время зрелости и мудрости. Дашковой исполнилось 37. И теперь, когда слава о ней как о первой русской образованной женщине дошла из Европы до Петербурга, прагматичная Екатерина II решила её снова использовать. Однажды на очередном вечернем куртаге императрица милостиво предложила Дашковой возглавить Академию наук. Это был важный для царицы шаг, здесь нужен был глаз да глаз. А хватка и энергия у «железной леди» были отточены.

Семья Дашковой попадает в «полосу удач». Сын Павел получил чин из рук всесильного Г. А. Потемкина, племянница Полонская устроена фрейлиной во дворец. А сама Екатерина Дашкова в 1783 году стала первой женщиной в России (за исключением императриц), занявшей высокую государственную должность. Этого в истории России совершенно не было! Никогда, ни до, ни после, ни одна женщина не занимала такой высокий государственный пост. Даже свободомыслящая Европа не удержалась от изумления. Джованни Казанова писал в «Мемуарах»: «Кажется, Россия есть страна, где отношения обоих полов поставлены совершенно наизуворот: женщины тут стоят во главе правления, председательствуют в учёных учреждениях, заведуют государственной администрацией и высшею политикой. Здешней стране недостаёт одной только вещи, а этим татарским красоткам – одного лишь преимущества, именно: чтобы они командовали войсками».

Морозным январским утром 1783 года состоялось первое заседание Академии. Дашкова попросила знаменитого математика Леонарда Эйлера представить её уважаемым учёным мужам. Придирчивая академическая публика с первых минут увидела в Дашковой справедливого и мудрого директора. Когда все стали рассаживаться, она заметила, что на место рядом с ней пытается пробраться какой-то бездарный учёный, властным жестом Дашкова остановила прониру и обратилась к Эйлеру: «Сядьте, где вам угодно. Какое бы место вы ни избрали, оно станет первым с той минуты, как вы его займёте».

Императрица хорошо понимала, кого можно выбрать президентом. Дашкова буквально возродила Российскую Академию из пепла. Зная, что в науках она несведуща, Дашкова отказалась от соблазна руководить ими и предпочла хозяйственную, издательскую и научно-просветительскую деятельность, преуспев во всех трёх. «Хочешь, чтобы получилось хорошо, сделай сама!» – таков был её девиз. Она даже могла ровным голосом уверенной в себе женщины поправлять священника во время церковной службы! Железный характер давал свои плоды на ниве государственной: академия вышла на славу, профессора получали завидное жалование, лучшие студенты отправлялись на стажировку в Европу.

В 1783 году по инициативе Дашковой основали новое учреждение – Российскую академию, которая занималась проблемами русского языка. Задачей номер один стало составление

первого в нашей стране толкового словаря, и только благодаря организованности и целеустремленности княгини это свершилось в рекордный срок – шесть лет. Она лично составила статьи на буквы «Ц», «Ш» и «Щ» и предложила вместо двух букв «іо» употреблять одну «ё».

За 11 лет своего президентства Екатерина Романовна чуть ли не силой восстановила академическое хозяйство, а ведь начинать пришлось с самого простого – с заготовки дров, чтобы покончить с холодом, от которого учёные мужи кутались на заседаниях в тяжёлые шубы. Дашкова построила новое здание Академии, и, хотя, по свидетельствам современников, она попортила немало крови архитектору Кваренги своим придирками к проектам, в памяти потомков княгиня осталась заботливой попечительницей науки и просвещения. Она восстановила деятельность типографии, с огромным трудом «выбивала» деньги на организацию научных экспедиций.

Дашкова лично контролировала составление новых программ обучения для гимназии при Академии и зорко следила за отбором талантливых юношей. Несмотря ни на какие протекции, безжалостно отчисляла бездарных оболтусов из числа учеников и студентов.

Помня о Ломоносове, Дашкова предприняла первое издание его сочинений с биографической статьёй, выпустила «Словарь Академии Российской» – выдающийся научный труд конца XVIII века, второе издание «Описания земли Камчатки» профессора естественной истории С. П. Крашенинникова. При участии Дашковой крупнейшие учёные начинают читать в Петербурге публичные лекции по математике, минералогии, естественной истории.

Именно при директоре-княгине статус науки, знания поднялся в русском обществе на недостижимую высоту. Заботясь об интересах страны, она запретила раз и навсегда сообщать открытия отечественных учёных за границей, «пока Академия не извлекла из них славу для себя путём печати и пока государство не воспользовалось ими».

Вообще-то официальным президентом Академии в то время считался граф К. Г. Разумовский. На этот высокий пост его назначила царица Елизавета Петровна, уважение к памяти которой Екатерина II всячески подчёркивала, чувствуя свою вину в смерти Петра III. А ещё Разумовский был шефом-командиром Измайловского полка и поддержал Екатерину во время переворота 1762 года. Таких услуг, как известно, правителям нельзя забывать. Поэтому лишить графа высокого поста царица не решалась, придумав для Дашковой должность директора Академии. Побывав на одном из заседаний Академии, вальяжный Разумовский, окружённый сонмом придворных женщин, сумел быстро понять: дело Академии находится в цепких руках талантливой женщины.

Этим он не замедлил поделиться с императрицей за картами на одном из ночных куртагов, расстроившись, когда очередная горсть проигранных бриллиантов аккуратно переключала на сторону его покровительницы:

– Ваше величество, намерен был я в Академии, так нашёл всё в исправности, да более того нахожу, что как бы там и не нужен, раз уж дело княгиня поставила.

– Не думаю так. И ты не спеши, – ответила императрица, – за делом любым приглядывать всегда потребно. А то, что умна, я и без тебя знаю. Пусть себе там хозяйничает. Всё при заботах будет и лишнего не сделает. Нужда будет, я ей ещё работы найду», – завершила свою мысль Екатерина.

А в историю всё-таки Дашкова вошла как президент – да ещё и двух Академий. В 1783 году царица утвердила указ об открытии Российской Академии, созданной по инициативе Екатерины Романовны как центр наук гуманитарных.

Боль семейных тайн Екатерины Дашковой

Но чем лучше обстояли дела Дашковой в академическом президентстве, тем печальнее складывалась её частная жизнь. В семье блестящие деловые качества Екатерины Романовны превратились в настоящий деспотизм, так осуждавшийся ее любимыми просветителями. Своим неусыпным надзором она до того подавила характер сына Павла, что он превратился в никчемного алкоголика.

Всесторонне образованный, он мог, учитывая положение матери, занять высокий пост, однако волю имел слабую, отдавать приказы другим не умел, да и, по чести сказать, не желал. Первой и последней его попыткой вырваться из-под крыла властной маменьки было тайное венчание с дочерью купца Алфёрова. Подробности Екатерина Романовна не уточняла – это было ниже её достоинства.

Одно было ясно: сын опозорил княжеское семейство Воронцовых-Дашковых, и княгиня боялась показаться в свет. Несколько дней рыдала, потом у неё приключилась лихорадка на нервной почве. Любящая мать не могла не замечать откровенную бездарность сына, и теперь успехи по службе давались Павлу Дашкову только хлопотами матери.

«Рана, нанесенная материнскому сердцу, неизлечима. Несколько дней я могла только плакать, затем серьёзно заболела», – написала Дашкова в своих «Записках». Получив через два месяца от сына письмо, где он просил согласия матери на женитьбу, она была в шоке и ответила ему, что ей известно, что он уже женат, да ещё и неудачно, на купеческой дочери, о чём Екатерина Романовна узнала совершенно случайно, и его лицемерие возмутительно. Скандал в именитом семействе удавалось скрывать совсем недолго, и вскоре весь светский Петербург с удовольствием обсуждал во всех салонах нелепую свадьбу. Недоброжелатели получили возможность «уязвить» Дашкову в самое чувствительное место.

И всё же проблемы с сыном были лишь «цветочками» по сравнению с теми неурядицами, которые создавала Дашковой её дочь Анастасия. «Железная барыня» Дашкова даже запретила непутёвой дочке подходить к своему гробу после смерти. Все чаще она подумывала о самоубийстве...

Можно было только удивляться, отчего у такой умной матери выросла девочка странная, ограниченная, да к тому же с физическим недостатком – горбом. Властная и заботливая, Дашкова поторопилась выдать незавидную пятнадцатилетнюю дочь за меланхоличного, безвольного Щербинина, страдавшего тягой к «зелёному змию» и «купившегося» на богатство и знатность Дашковых затем только, чтобы легче было развлекаться. Муж, естественно, с первых же дней супружества пренебрёг уродливой женой, уехал за границу, а Екатерине Романовне пришлось счесть своим долгом опекать непутёвую дочку. Но вскоре Анастасия повзрела и решила отомстить не в меру заботливой матери за собственную несостоятельность.

Дашкова была готова сгореть со стыда, когда за её дочерью возник и потянулся длинный шлейф скандальных историй. Лёгкая на общение, Анастасия завела знакомства с сомнительными личностями, растратила деньги, влезла в долги. Её сумасшедшие выходки довели до того, что она попала под надзор полиции. Анастасия своим мотовством и неприязнью к матери также причиняла ей немало горя. Она рассталась с мужем и пустилась в загул, требуя от матери оплачивать сделанные долги.

И тут Екатерине Романовне приходилось писать униженные прошения, поручаться за непутёвую дочь, освобождать её под залог. Мать уже не могла повлиять на Анастасию. Они давно перестали понимать друг друга, и это чувство перерастало в непримиримую ненависть. Что могла переживать женщина, если она потеряла отношения с детьми, которым посвятила всю свою жизнь? Ради них она пожертвовала своей личной, женской судьбой, но их судьба стала настоящим крахом всех её ценностей.

Ко всему прочему у императрицы стало расти ревностное недовольство дружбой Дашковой с Бенджамином Франклином, в котором Екатерина II справедливо видела опасность для самодержавия. В связи с этим в 1794 году Дашковой пришлось попрощаться с Академиями и уехала в свое Троицкое, где с болью встретила в 1796 году известие о смерти Екатерины, которую Дашкова в свое время провозгласила Великой. Она вспомнила их дружбу и свою горячую молодость, вдохновение, одержимость и горькое разочарование в Екатерине, которая сразу после коронования на престол постаралась показать молодой увлеченной Дашковой, кто здесь хозяин.

Со смертью Екатерины II карьера Дашковой закончилась. Император Павел I безжалостно вычищал из своего окружения всех, кто был рядом с ненавистной матерью, а значит, врагом нового самодержца. Его недовольство обратилось и на Дашкову. Граф Аракчеев, блистательно возвысившись на угодливых доносах и разоблачениях екатерининских вельмож и ставший бесплотной тенью нового императора, на одном из утренних докладов словно бы невзначай обронил:

– Ваше Величество, а княгиня Дашкова в Академии новое самовольство учредила – издание поэм Ломоносова изволит начать. А те поэмы Синод Святейший противу Бога говорящими признал...

Император резко повернулся к Аракчееву:

– Что? Она ещё в Академии руководит? Как посмела? Немедля отставить и в деревню! В ссылку!

По его указу московский генерал-губернатор лично явился к Дашковой и объявил: «Государь приказал вам покинуть Москву, ехать в деревню и припомнить там 1762 год!» Дашкова была выслана в дальнюю и самую бедную деревеньку своего мужа в Новгородской губернии. Не сопротивляясь, полубольная Дашкова в 1796 году по приказу императора Павла I отправилась в зимние морозы в ссылку коротать дни в крестьянской избе, лишенной всяких удобств.

Через некоторое время она обратилась к императрице Марии Федоровне с просьбой пощадить больную несчастную женщину. Императрица, пожалев её, обратилась к Павлу. Первый раз царь категорически отказался помиловать Дашкову и только во второй раз, по просьбе уже её сына Павла Михайловича Дашкова, разрешил княгине в 1798 году поселиться в имении Калужской губернии.

Так быстро решилась судьба бывшей подруги императрицы, но испытания лишь укрепили её волю. Мысли об уходе из сего бренного мира исчезли, она снова почувствовала себя героиней какого-нибудь романа Вольтера, несправедливо обиженной и страдающей в изгнании.

1807 год стал для неё ещё одним страшным испытанием: в Москве после болезни скончался её сын. На его похоронах разыгралась безобразная сцена между матерью и дочерью. Ссора была такой громкой, что священнику даже пришлось приостановить отпевание в церкви. Дочь билась в истерике, пытаясь оттеснить мать от гроба. А причина была до обидного проста: Анастасия опасалась, что наследство матери перейдёт к воспитаннице Дашковой – мисс Вильмонт, приехавшей из Англии, чтобы скрасить старость княгини.

По правде говоря, Екатерина Романовна даже хотела удочерить Мэри и оставить её навсегда возле себя. Но мисс Вильмонт в душе, похоже, тяготилась обществом навязчивой составившейся княгини. И однажды, за два года до смерти княгини, стремясь избежать драматического прощания, Мэри по-английски, не прощаясь, покинула ночью дом своей опекуниши. Вслед беглянке полетели душеспасительные письма: «Что я скажу вам, моё любимое дитя, что бы не огорчило вас? Я печальна, очень печальна, слезы текут из глаз моих, и я никак не могу привыкнуть к нашей разлуке».

Еще в 1794 году в воспоминаниях она старалась показать своё историческое место в России, свои человеческие качества и добродетели, оправдывалась перед своими детьми, невест-

кой, брошенной её сыном. Дашкова при жизни сына не признавала этот неравный брак и смирилась только после его смерти в 1807 году. Состоялась трогательная встреча двух несчастных женщин, они заливались слезами от горя потери. Детей у сына не было, и Дашкова нашла наследника из семьи Воронцовых – Ивана Илларионовича (1790—1854 гг.) внучатого племянника, которого опекала с самого рождения. Иван Илларионович был единственным сыном родителей и после ранней смерти отца воспитывался матерью Ириной Ивановной Измайловой.

Благодаря матери и влиянию знаменитой тетки Е. Р. Дашковой он получил блестящее европейское образование. Дашкова с самого рождения, в буквальном смысле, стояла у его купели, была дружна с Ириной Ивановной, а личные качества крестника навсегда покорили её. Поэтому, оказавшись после смерти сына Павла без наследника, княгиня сделала выбор: этот внучатый племянник был достоин носить фамилию Дашковой.

С разрешения императора Александра I Екатерина Романовна в 1807 году назначила себе наследника, завещала крестнику Ивану Илларионовичу Воронцову все владения и фамилию Воронцов-Дашков. Таким образом, с 1807 года появилась новая династия графов Воронцовых-Дашковых, которые преданно служили отечеству и продолжили традиции знаменитой Екатерины Романовны Дашковой, занимаясь просвещением.

Бездетная дочь Анастасия ещё при жизни матери была лишена наследства, и ей была назначена только пожизненная ежегодная пенсия, которую она получала от наследника. Воля умирающей была исполнена: дочь ко гробу матери не допустили. Последние годы Дашкова доживала в имении Троицком в окружении своих помощниц и крестьян.

«В заключение я могу сказать со спокойной совестью, что сделала всё добро, какое было в моей власти, и никогда никому не сделала зла. Я отомстила забвением и презрением за несправедливости, интриги и клеветы, направленные против меня. Я исполнила свой долг по мере сил и понимания. Со своим чистым сердцем и честными намерениями я вынесла много жгучего горя, которое вследствие моей слишком большой чувствительности свело бы меня в могилу, если бы меня не поддерживала моя совесть, свидетельствующая о чистоте моей жизни. Я без страха и тревоги, бестрепетно и спокойно смотрю в глаза приближающейся смерти», – написала она незадолго до кончины в 1810 году.

Остатки имения Екатерины Дашковой в с. Троицкое в н. XXI в (фото Интернет)

Памятная плита на могиле Екатерины Дашковой в с. Троицкое (фото Интернет)

Византийская любовь Руси

Посольство на Русь

Яркими весенними днями 1467 года из Москвы на Коломну двинулся конный царский отряд – по сложившейся с дедовских времён традиции великий князь проверял оборону окских рубежей. Именно этим путём степняки любили свершать набеги в летнее время. Но дороге прервал неожиданный гонец из Москвы:

– Государь, – припав на колени, сообщил сын боярский, еле переводя дух, – великая княгиня после худой болести преставилась.

Великий князь спешно поворотил коней в Москву, не веря в самое страшное. Ведь накануне отъезда он прощался со здоровой цветущей женой, а тут такое. Вернувшись в Москву, князь убедился в страшной беде: он овдовел. И, догадавшись, что тут не обошлось без ворожбы и отравления знахарками, расправился со всеми, кого мог подозревать. Больше года великий князь был неутешен – Мария так пришлась ему по сердцу, что другой и не надобно было. На руках 27-летнего князя оставался сын Иван, малолеток, для отличия называвшийся Молодым. Скорбно было на душе, а тут бояре да митрополит всё шепчут о новой жене...

Лютый февраль 1469 года неожиданно переменил всё. Нежданно-негаданно прибыло большое латинское посольство из Рима. И под сводами княжеского терема посол грек Юрий Траханиот передал великому князю письмо от кардинала Виссариона. В замысловатом тексте послания московскому правителю предлагалась в жёны дочь Фомы Палеолога, правителя Мореи, одной из провинций Византии, и, естественно, принцесса, племянница последнего византийского императора Константина XI, погибшего в битве с турками на стенах своей столицы. При этих словах грек слегка наклонился и тихо сказал: «Это про него рассказывали: когда стало ясно, что с захватчиками остались сражаться немногие иностранные моряки и оставшиеся в живых наёмники и, увидев, что враги побеждают, Константин воскликнул, отчаявшись: „Город пал, а я всё ещё жив“, – после чего, сорвав с себя знаки императорского достоинства, бросился в бой и был убит».

От себя грек добавил, хитро улыбаясь, что кардинал уже пытался дважды выдать её замуж, но всё как-то без успеха. То ли бедность невесты отталкивала, то ли вельмож полнота её тела пугала, они ведь привыкли к худым и стройным женщинам, затянутым в корсеты. Или её строптивость – французскому королю Жаку II де Лузиньяну и миланскому герцогу она отказала из-за нежелания менять православную веру на католическую. На слова посла Иван слегка улыбнулся: разве это могло стать препятствием? Полнота женщины на Руси всегда считалась признаком красоты, а приданым в великокняжеской среде обычно были небольшие подарки жениху (пояс и т. д.) и личные вещи невесты. Ценились лишь знатность да обширные родственные связи будущей жены.

С годами Софья превратилась в привлекательную девушку с темными блестящими глазами и нежно-белым цветом кожи, что на Руси считалось признаком великолепного здоровья. По единодушной оценке современников Софья была обаятельной, а ее ум, образованность и манеры были безукоризненны и достойны византийской принцессы. Болонские хронисты в 1472 году восторженно писали о Софье: «Воистину она очаровательна и прекрасна... Невысокого роста, она казалась лет 24; восточное пламя сверкало в глазах, белизна кожи говорила о знатности её рода».

Послы удалились и великий князь созвал совет, на который пригласил митрополита Филиппа, мать Марию Ярославну, ближних бояр. Было решено согласиться на сватовство, отправив в Рим посольство во главе с крещёным итальянцем Джанни Баттистой делла Вольпе,

а по-русски Иваном Фрязиным. Посланный вернулся через несколько месяцев, в ноябре, привезя с собой красиво написанный портрет невесты в виде медальона.

Этой «парсуной» и началась в Москве эпоха Софьи Палеолог. А изображение считается первым светским на Руси. Ближнее боярство и семья великого князя были им так изумлены, что летописец назвал портрет «иконой», не найдя другого слова: «А царевну на иконе написану принесе».

Однако обсуждение сватовства пришлось не всем по душе. Своё слово сказал московский митрополит Филипп, который долго возражал против брака государя с униаткой, к тому же воспитанницей папского престола, боясь распространения католического влияния на Руси. Великому князю пришлось долго убеждать митрополита, что воспитанием Софьи занимался православный епископ, и лишь тогда владыка Филипп дал своё согласие на венчание.

Получив поддержку первоиерарха, Иван III решил отправить посольство во главе с Иваном Фрязиным в Рим за невестой. В Москве этот пронырливый торговец мехами, очень удачно организовал монетное дело и считался среди иноземцев хорошим знатоком Руси, хотя и несколько болтливым. Поэтому выбор и пал на обрусевшего итальянца. Метельным январём 1472 года московские послы отправились обозом в далекий путь.

А в это время в далёком Риме события шли своим чередом. При папском дворе приезда москвитов ждали то ли с презрением, то ли с чувством надежды, но папа Сикст IV все еще был занят праздниками по поводу своего восшествия на престол. «Преемник, Павел II, отошёл в мир иной, сделав царский подарок, – размышлял первосвященник, – предложить мне такой блестящий вариант – женить бездомную греческую принцессу на московитском владыке. Пусть потешатся, а у нас будет чем их прижать.

Лучшим подарком для себя и престола папа Сикст IV считал присоединение Московии к Флорентийской унии, по примеру Великого Новгорода. Тогда и меха в его сокровищницу, и золото на новый крестовый поход потекли бы рекой. Да и сильным государством на Востоке защитить Европу от кочевников выгода была немалая. Эти русские медведи всегда привозили богатые дары, особенно меха и самоцветы, но послы бывали редко, потому сейчас и надо торопиться. Отсюда москвитов и ожидали принимать двояко: полупрезрительно, но с надеждой на выгоду.

Самое главное в этом щекотливом деле было уговорить бездомную принцессу на брак после двух позорных провалов. Упустить таких женихов! – Сикст нервно хрустнул пальцами. – Какая же она строптивая! Да ещё скрытная. Недаром выучилась у падре Виссариона. Всё-таки он к православию равнодушен, а потому может быть опасен, – размышлял первосвященник, глядя в окно на смену караула швейцарских гвардейцев. —

А сейчас это очень кстати, кардинал Виссарион – грек по происхождению, бывший архиепископ Никейский, его принцесса знает с детства, а значит, и доверять будет больше. Уже тогда этот грек был ревностным сторонником подписания Флорентийской унии, чем и заслужил кардинальскую мантию. Но это знать ей совсем необязательно».

За дверью раздались шаги, и папа увидел своего камердинера Донато.

– Ваше Святейшество, принцесса, – почти неуловимо произнёс слуга. И тихо удалился. Девушка вошла, смиренно опустив голову, как добрая христианка. Помня ритуал, приложилась к краю одежды папы и замерла в ожидании. Сикст заговорил о том, чего она так опасалась: сватовстве, отъезде, холоде в будущей стране.

– Москвиты уже в Святом городе. Думаю, они не столько будут поздравлять меня с восшествием на Святой престол, сколько приехали сватать тебя. Не нами это придумано, – тут папа досадливо остановился, – но мы решили, что так будет Господу угодно.

Принцесса молчала, понимая, что сейчас это лучшее в её положении.

Сикст продолжал:

– Дочь наша, мы полагаем, что с именем Господа ты многое здесь впитала и многому обучилась с отцом Виссарионом, чтобы знать, какое дело благое тебе вручает Господь в твои руки и сердце.

Она стояла, не поднимая глаз, и ей так хотелось сказать, да, она давно это заслужила. И когда в спешке бежала с семьёй от турок с родного острова, когда жили чуть ли не впроголодь на римских подворьях, а деньги выданные на пропитание, братец проматывал на бегах. Да и много чего было унижительного, а так хотелось ответить смелостью своим врагам... И теперь новые унижения, надо целовать эти старые руки, одежды и говорить слова оправдания.

– Я постараюсь, Святой отец, – звуки выходили из горла принцессы чужие, не свои.

– Да, уж, постарайся. И посиди, послушай, – указал он на кресло напротив. Девушка присела, готовясь выслушать новые нотации. Тут было не до строптивости, она прекрасно знала, как в папском дворце относятся к бездомной принцессе, живущей просто из милости, только что не смеются вслед. Но вместо этого услышала иные, вкрадчивые слова.

– Господь вразумляет тебя исполнить важную роль, дочь наша, и мы надеемся на твой ум и душу, ему преданную.

Сикст замолчал, собираясь сказать принцессе самое главное, но она не удержалась от интереса:

– Мне что-то надо сказать правителю московитов?

– Нет, – Сикст нервно перебирал пальцами рук край сутаны, – тебе надлежит лишь всегда думать о долге перед Святым престолом в том, чтобы паства московитов, двор и сам князь были на твоей стороне, что очень важно для будущего унии. Как это было с новгородским боярством. И самое главное, чтобы московиты были едины с нами в борьбе против турок. Ведь ты знаешь, османы так много сделали плохого для твоей семьи и для тебя, дочь наша духовная.

Здесь Сикст постарался встретиться взглядом с принцессой, чтобы понять, что именно поняла эта своенравная гречанка, но в тёмных глазах девушки плеснулось одно боязливое непонимание. Или она притворилась?

Сикст задумчиво спросил:

– Готова ли ты, дочь наша, исполнить волю Господа и Святой Церкви нашей?

Долгих разговоров Софья не могла терпеть и спокойно ответила:

– Хорошо, Ваше Святейшество, я постараюсь исполнить эту священную волю.

Но тут же мысленно представила, что вообще не знает, как это будет выглядеть – московиты, уния, турки эти ненавистные. И всё в одной куче, в холодной стране, где говорят, люди голыми бегают по снегу, а потом лезут в горячую воду. И зачем это? Завтра надо будет спросить у русов.

Вернувшись к себе в покои, Софья никак не могла успокоиться. Присела у окна. Служанка Франческа много рассказывала ей о жизни московитов, так как много общалась с купцами на рынках. И то, что они живут совсем иначе, теперь интриговало принцессу. Здесь, в Риме, Софию ославили как дурнушку – она не брила себе лоб и брови, не выщипывала ресниц, не пила уксус, чтобы походить на бледных и рахитичных западных «прелестниц». Она вспомнила своё детство и страхи перед османами, возможным пленом и даже рабством.

Император Константин XI, (скульптура XIX в. фото Интернет)

Ей не было и восьми лет, когда дядя Константин XI с мечом пал на стенах Константинополя, и к ним, на скудные земли бывшей Спарты, бесконечными унылыми вереницами потянулись беженцы со всего Пелопоннеса. Фома Палеолог, правитель совсем небольшого греческого удельного государства Морей на полуострове Пелопоннес, бежал с семьёй на Корфу, а затем в Рим.

Ведь Византия, надеясь получить от Европы военную помощь в борьбе с турками, подписала в 1439 году Флорентийскую унию об объединении Церквей, и теперь её правители могли просить себе убежище и денег у папского престола. Фома Палеолог смог вывезти величайшие

святыни христианского мира, в том числе и главу святого апостола Андрея Первозванного. Правда, ему пришлось принять католичество ради спасения.

Фома Палеолог (фреска XV в. фото Интернет)

В благодарность он получил дом в Риме и хороший пансион в тысячу золотых дукатов от Святого престола. Но в 1465 году Фома скончался, оставив троих детей – сыновей Андрея и Мануила и младшую дочь Софию. С ними остались не только спасённые христианские реликвии, но и липкий страх в душе перед османским рабством.

Братья постоянно просили еды, а мать вскоре умерла от непонятной болезни. Софья не знала, что и делать, от переживаний появилась полнота, римлянки в папском дворце только и делали, что смеялись над такой толстухой. А ведь она старалась есть как можно меньше других, чтобы никто не подумал о ней как о нахлебнице. Но так ведь оно и было.

Принцессу постоянно укоряли в зазнайстве, намекали на неумение общаться с местными знатными красавцами и хихикали, когда слышали её разговоры о науках:

– Тебе этот учёный грек совсем заморочил мозги. Женщине нужно совсем не это, – наставляли Софию придворные подружки. – Главное для неё – это выйти замуж.

Софья и сама думала об этом, но всё попадались как-то не те, что надо, никчёмные. И тут же приходил в голову монастырь, картина пострига, однако Софья гнала эти мысли прочь от себя, видя пред собою грустный пример старшей сестры, ушедшей в монахини. Лучше жить замужем. Да хоть в той же Московии. Ведь не страшные же уроды там, если по снегу голышом бегают да в кипятком ныряют. Чем дальше она размышляла, тем острее понимала – прав был грек Виссарион, когда просил хорошо думать над сутью вещей. И не выносить скорых решений. На душе стало гораздо легче.

Спала ночью крепко. Встав поутру, вдруг поняла, сегодня будет её день. Поверила. И под сводами в соборе Святых Петра и Павла, встав рядом с посланцем Иваном Фрязиным, православным и болтливым итальянцем, которому сам великий князь Иван Васильевич доверил заочное обручение с принцессой, держалась спокойно и прямо. Флорентийки, местные красавицы, пришедшие поглазеть на обручение, завистливо шептались:

– Кажется, Софья и не боится совсем ехать в ужасную Московию.

– Да ей уже терять нечего, раз вдовец руку предложил.

Но теперь Софья точно была уверена: она правильно делает. У неё будет муж. И огромная страна, раз этот болтун-итальянец говорит о жутких пространствах, когда в соседние города едут неделями. Да ещё в каретах по снегу на узких досках. И муж этот не жалкий разорившийся князь Караччоло, у которого из богатства лишь пара поношенных бархатных панталон, не внебрачный сын изгнанного короля крошечного кипрского королевства, а законный правитель большой ледяной страны, приславший подарки, от которых безумствует завистью вся римская знать.

«Теперь я точно знаю, – думала Софья, – этот правитель оценит мои знания и ум, не то, что эти, и уж точно не потребует пить уксус или мазать щёки цинковыми белилами, от которых потом кожа вспухает сыпью. И на полную не посмотрит, подозревая обжорство. Лишь бы доехать. Монастырь был бы просто гибелью. А я хочу жить».

Софья выпрямилась. Что-то невидимое скользнуло внутри, в душе, обдало теплом сердце и там остановилось. Исчезла сирота, жившая у богатых просто так, из милости, и где-то в глубине стала расти память об императорском доме, называя её, Софию, принцессой, наследницей огромной империи, волею судьбы поменявшей название, но не суть её.

Путь в Московию

24 июня 1472 года в ажурных садах Ватикана, где привычно кружил голову запах цветущего миндаля, она встретила на прощание с понтификом, давшим невесте своё финальное благословение, подкрепив его 6000 золотых дукатов. София Палеолог вместе с собственной свитой, папским легатом и московскими послами отправилась в интригующе далёкий путь, на север.

Из нескольких маршрутов спутники Софии избрали путь через Северную Европу и Балтику. За два утомительных месяца обоз с греческой царевной, невестой Ивана III, пересёк весь Старый Свет, добравшись из Рима в немецкий порт Любек. Такой сложный маршрут был вызван тем, что у России в этот период в очередной раз начались политические проблемы с Польшей. Принцесса из Византии достойно терпела тяготы дальней дороги – подобные путешествия были ей не первой.

По настоянию папы все католические города на её пути организовывали посольству пышные приемы и рыцарские турниры. Власти германских бургов старались преподнести воспитаннице Святого престола самые дорогие подарки – серебряную посуду, вина, а горожанки Нюрнберга вручили ей целых двадцать коробок конфет.

10 сентября 1472 года корабль с путешественниками взял курс из Любека на Колывань – так называли тогда русские мореходы современный Таллин. Стойко выдержав изнурительное плавание в шторм, принцесса и её спутники прибыли в город лишь через одиннадцать суток: так сурово приняла их ветреная Балтика. Затем, посетив древний русский город Юрьев (ныне город Тарту), потом Псков, процессия оказалась на дороге к Москве.

В Пскове Софья совсем ощутила себя как дома. Будущая великая московская княгиня, лишь только очутившись на русской земле, ещё находясь на пути под венец в Москву, как будто радуясь, нарушила все надежды папы, тут же забыв всё своё католическое воспитание. Софья, по-видимому, встречавшаяся в детстве с афонскими старцами, противниками подчинения православных католикам, в глубине души была глубоко православной.

Она сразу же открыто, ярко и демонстративно показала свою преданность православию, к восторгу русских прикладываясь ко всем иконам во всех церквях, безукоризненно вела себя на православной службе, крестясь, как православная. Ведь впервые ей захотелось быть собой, наследницей византийских императоров. Испокон веков византийцы славились своей хитростью и коварством. То, что эти качества Софья Палеолог унаследовала в полной мере, кардинал Виссарион Никейский, её наставник, узнал вскоре после того, как обоз невесты пересёк границу России. Девушка объявила, что с этой поры более не будет исполнять католические обряды, а возвращается к вере предков, то есть к православию. Планы Ватикана сделать процессу проводником католичества на Русь провалились. Попытки папского дворца закрепиться в Москве и усилить своё влияние потерпели неудачу.

Вступив на псковскую землю, она вышла из кареты перед Троицким собором и первым делом перекрестилась по православному обряду. В храме Софья усердно молилась и прикладывалась к образам. Это понравилось народу, но римский кардинал – папский легат, бывший с нею, смущал православных. Он был одет в красную сутану, с перчатками на руках, которых никогда не снимал и даже благословлял в них.

Пред ним несли серебряное литое распятие на длинном древке (латинский крыж). Он не крестился и к образам не прикладывался; приложился только к иконе Богородицы, и то по требованию царевны. Очень уж не нравилось это все православным.

Из церкви София отправилась на княжеский двор. Там посадники и бояре угощали ее и приближенных ее различными яствами, медом и вином; наконец, поднесли ей подарки. Бояре и купцы одарили её, кто чем мог. От всего Пскова поднесли ей в дар 500 рублей. Обескуражен-

ному папскому послу, который ехал в обозе и зорко наблюдал за Софьей, стараясь запомнить все её поступки до последних мелочей, пришлось повиноваться: последовать за ней в церковь, там поклониться святым иконам, а также приложиться к образу Богоматери по приказу теперь уже его правительницы.

А потом Софья пообещала восхищённым псковичам свою защиту перед великим князем. Впереди лежал ещё более прекрасный и строптивый Великий Новгород. Так же торжественно принимали её в этом городе, а она приложилась к иконам в Софийском соборе. После встречи с новгородцами Софья снова убедилась, что попала в удивительную и огромную страну. Так непохожи были города и люди.

Стоял прозрачный ледяной ноябрь. Длинный обоз из нескольких десятков карет и телег растянулся на промёрзшей неровной дороге, еле покрытой снегом. София откинулась на подушки кареты, кутаясь в соболью шубу, – вот гдегодились меха. Иван Фрязин, главный распорядитель посольских дел, сидел напротив её, отвечая на бесконечные вопросы. Порой ему просто хотелось отказаться, подремать на подушках, и про себя он сердился на такую любознательность будущей невесты. Но делать было нечего, и он снова и снова рассказывал об этих удивительных русах.

За несколько вёрст до Москвы обоз остановился. Из столицы прискакал княжеский гонец в белом кафтане, чтобы передать требование московского митрополита убрать из процессии папского легата Антония, по католической традиции шедшего впереди обоза с латинским крестом. Православному владыке об этом донесли ещё раньше, едва обоз подошёл к границе Русского государства.

Дрожащий от холода легат давно понял, что на этот брак Риму нет смысла возлагать какие-либо надежды: Софья раскрыла свои замыслы давно, она только и думала о православии. А долговязая фигура папского посла в непривычной сутане и с латинским крестом в качающихся от холодного ветра руках, шедшего с унылым видом по дороге, ещё больше смущала русов.

Узнав об этом, митрополит Филипп пригрозил великому князю: «Буде позволишь в благоверной Москве нести крест перед латинским епископом, то он внидет в единые врата, а я, отец твой уховный, изыду другими вон из града». Иван III немедленно выслал ближнего боярина навстречу процессии со строгим приказом убрать крест в сани, а самого легата спрятать в обозе. Папский посол выразил глубокое возмущение, но, получив нескольких толчков под бока, после которых он оказался лежащим на земле, ему пришлось с великим неудовольствием подчиниться. Сама принцесса, уже понемногу привыкнув, вела себя так, как и пристало будущей правительнице Руси.

Ранним утром 12 ноября 1472 года огромный обоз с византийской принцессой прибыл в Москву, где все было готово к свадебному торжеству, приуроченному к именинам великого князя – дню памяти святого Иоанна Златоуста. Так московский государь отдал свой брак под небесное покровительство. Для православной церкви тот факт, что София станет второй женой Ивана III, был предосудительным. Священник, который венчал бы подобный брак, должен был рисковать своей репутацией.

В тот же день в Кремле во временной деревянной церкви, поставленной около строящегося Успенского собора, чтобы не прекращать богослужений, государь обвенчался с ней. Софья впервые тогда увидела своего супруга. Великий князь был молод – всего 32 года, хорош собой, высок и статен. Особенно замечательными были его глаза, «грозные очи». И прежде Иван Васильевич отличался крутым характером, а теперь, породнившись с византийскими монархами, он вообще смог бы превратиться в грозного и властного государя. События показали, что так оно и произошло. И в этом была немалая заслуга его новой молодой жены.

Маленький собор не смог вместить всех желающих. Приглашённый великим князем из Коломны протопоп Иосия старательно вёл обряд венчания, недоумевая про себя, почему

великий князь именно на нём остановил свой выбор. И невдомёк было протопопу, что митрополит московский Филипп от обиды великой, что не изгнали латинян от обоза, а позволили им осквернить землю московскую, отказался венчать великого князя на гречанке, всё ещё подозревая принцессу в тайных латинских умыслах.

А великий князь не обиделся на владыку, справедливо рассудив по старинному: «не хочешь – и не надо, без тебя обойдёмся». Главное, венчание будет в Москве. А кто венчать будет, того и слава. Любил князь, когда ему перечили, «встречу говорили», уважал таких. Лишь бы по правде, а не кривде спор был.

Княжеские слуги еле сдерживали напор толпы, собравшейся посмотреть на царьградскую принцессу, грекиню. Где и когда ещё такое приведётся увидеть? Собравшиеся внимательно наблюдали венчание великого князя. Обряд завершился, и под звон колоколов новобрачные двинулись в Кремль. Вслед за ними двинулись бесчисленные повозки принцессы. Выйдя из храма на крыльцо, Софья неожиданно закрыла на мгновение глаза – ей представилась разноликая толпа на площади Константинополя у храма святой Софии.

И здесь, на земле древних русов, у Софьи вдруг мелькнула мысль, что всё это неслучайно, не вдруг, и в том, что она ступает по земле, где живут смелые и открытые люди, есть настоящая Божья воля, по которой она так страдала и которую ощущала теперь всем светом яркого и холодного ноябрьского солнца в чужой пока стране, которая должна будет стать её государством.

Венчание в небольшой деревянной церквушке произвело сильное впечатление на Софью. Теперь она знала, что будет делать в Московии. И как будет делать, тоже представляла. На следующий день папский легат (посол) кардинал Антоний попросил аудиенции у великого князя. И она ему была представлена. Посла проводили в палаты и предупредили, что скоро его примут.

Каково же было удивление кардинала, когда он увидел перед собою не только великого князя, но и его новую супругу, Софью. Посол всеми силами старался не выдать своей радости – он помнил обещание принцессы насчёт унии и совместного сотрудничества князя русов и папства против турок. Подарки папы великий князь с благодарностью принял. Однако на вопрос об унии отвечал довольно туманно и уклончиво:

– Вы можете сообщить его Святейшеству, что такой сложный вопрос сразу нельзя решить. Мы будем думать над ним вместе.

Слушая ответ через толмача, кардинал неожиданно встретился глазами с Софьей, сидевшей рядом с великим князем и насмешливый взгляд принцессы сказал ему всё. Проницательный Антоний вдруг явственно понял, что все надежды договориться с русами об унии, да что там о ней, о тайном подчинении Руси латинскому Риму рушатся на глазах. И всё из-за неё, гречанки, которая только и делала, что притворялась истинной униаткой, а на деле оказалась предана православию, как никто другой.

– Ваше преосвященство, – продолжил великий князь, – коли главный вопрос сугубо церковный, сыскался у нас хороший книжник, и мы готовы беседовать с вами завтра. А пока пожалуйте к нам на трапезу, сегодня наши соколятники добыли хороших уток.

После обеда и древних медов, княжеские слуги вынесли упившегося легата из-за стола и с бережением, как велел великий князь, доставили до кареты.

В течение трех следующих месяцев римское посольство находилось в Москве, а дело так и не сдвинулось с мёртвой точки. Кардинала Антония угощали, беседовали с ним, держали в большой чести; Иван III с щедростью одарил его мехами. Но когда легат попытался было снова заговорить о соединении церквей, из этого, как и следовало ожидать, ничего не вышло. Иван Васильевич решил это дело просто – отдал этот церковный вопрос на решение митрополита Филиппа, а тот, как и обещал князь, быстро пригласил какого-то книжника Никиту Поповича из далёкого монастыря для состязаний с легатом.

Этот Никита, по словам летописца, переспорил кардинала, да так, что тот не знал, что и отвечать, отговаривался только тем, что с ним нет книг, нужных для спора. Так очередная попытка папы Сикста IV соединить церкви кончилась полной неудачей. И в этом провале кардинал справедливо видел уже твёрдую руку бывшей воспитанницы архиепископа Никейского – Софьи Палеолог.

Убедиться в таком исходе он смог спустя неделю при вручении отзывных грамот, когда взгляды посла и Софьи снова встретились на приёме у великого князя. В глазах принцессы кардинал увидел откровенную дерзкую насмешку, которую могла позволить себе только победившая женщина:

– Вы так быстро уезжаете, Ваше преосвященство. Расскажите его Святейшеству, что вы здесь так много всего увидели и всё же ничего не нашли для него полезного.

Кардинал мог ответить на эти слова лишь молчаливым поклоном. Ему и до этого стало ясно, что Иван III совершенно не намеревался ни воевать за «наследство» с турками, ни тем более принимать Флорентийскую унию. И Софья вовсе не собиралась окатоличивать Русь. Напротив, она явила себя истинно православной. Скорее всего, её высоким искусством было то, что она умело скрывала свою веру от могущественных римских надзирателей. И это было её если не мстью, то ответом за боль и трагедии, испытанные в жизни, жёстким ответом «покровителям», которые не оказали помощи её родине, предав её иноверцам на разорение и гибель.

А пока она обживала новое грандиозное пространство под названием Русское государство. Разместившись в Кремлёвских палатах, она поняла, что это совершенно не то место, которого она достойна. Привыкнув к роскоши Константинополя, Софья не могла свыкнуться с мыслью, что вокруг неё обыкновенная деревня, нет, скопище деревянных построек, которые горят с завидной частотой.

Москва того времени была очень неприглядной. Деревянные небольшие постройки, поставленные как попало, кривые, немощные улицы, которые каждый раз застилались брёвнами вместо тротуаров, и это всё тонULO в грязи, чтобы в следующий раз принять на себя новую порцию гниющего от влаги дерева. Грязные площади, отсутствие света с наступлением сумерек – всё это делало Москву похожей на большую деревню или, верней, на собрание множества деревенских усадеб.

После свадьбы и сам Иван III почувствовал необходимость в перестройке Кремля в могущественную и неприступную цитадель. Все началось с катастрофы 1474 года, когда Успенский собор, возводимый псковскими мастерами, неожиданно рухнул. В народе сразу поползли слухи от бояр-ненавистников, что беда стряслась из-за «грекини», до этого пребывавшей в «латинстве». Пока выяснялись причины обрушения, Софья посоветовала супругу:

– Государь, надо пригласить архитекторов из Италии. Их все знают и доверяют им, потому что многие из них – лучшие мастера в Европе. Они могут помочь. Мы же всё-таки большая страна.

Намёки жены на величие Иван III понял прекрасно и справедливо предположил, что их творения могут сделать Москву равной по красоте и величественности европейским столицам и поддержать престиж московского государя, а также подчеркнуть преемственность Москвы не только Второму, но и самому Риму. Тогда были хорошие псковские мастера, но у них имелся только большой опыт строительства в основном на известняковом основании, а Москва стояла на непрочных глинах, песке и торфяниках.

Именно поэтому рухнул почти достроенный Успенский собор московского Кремля. Софья хорошо знала, кто из итальянских специалистов способен решить эту задачу. Одним из первых приглашённых ею был Аристотель Фиораванти – талантливый инженер и архитектор из Болоньи. Выбор был неслучаен. Синьор Аристотель слыл великолепным специалистом по подземным ходам, тайникам и лабиринтам.

И прежде чем заложить стены Кремля, он построил под ними настоящие катакомбы, в одном из казематов которых была укрыта бесценная сокровищница – библиотека, в которой хранились рукописи времен античности и фолианты, спасенные при пожаре знаменитой Александрийской библиотеки, а также перевод книги пророка Исаяи на греческий.

Кроме множества зданий в Италии, Аристотель конструировал мосты через Дунай при дворе венгерского короля Матьяша Корвина. Может быть, Фиораванти и не согласился бы приехать, но незадолго до этого его ложно обвинили в сбыте фальшивых денег, к тому же при Сиксте IV начала набирать лихие обороты инквизиция, и дым костров всё чаще застилал римское небо.

Архитектор счёл за благо побыстрее уехать на Русь, забрав с собой сына. В Московии он быстро согласился работать за 10 рублей в месяц (сумму по тем временам немалую). Для строительства Успенского собора Аристотель Фиораванти поставил кирпичный завод и определил как пригодные залежи белого камня в Мячково, откуда брали строительный материал за сто лет до этого для первого каменного Кремля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.